

УДК 101.1

Романов И. Ю.,
аспирант,*Волгоградский государственный университет***Замедление как форма сопротивления модусу homo economicus: появление homo tardus****DOI:**
10.33979/2587-7534-2023-1-101-108

В статье рассматриваются варианты реакции общества и культуры на кризисное состояние постмодерна. Анализируется роль и место отчуждения в постиндустриальном обществе, а также о проблеме общества изобилия. Рассматривается предложенная идея homo tardus как особого режима, проявляющегося в процессе замедления участия в экономических отношениях, как форме сопротивления текущему состоянию общества. Исследуется процесс скрытого возвращения метанарратива в условиях сложившегося постмодерна.

Ключевые слова: *постмодерн, метанарратив, отчуждение, homo economicus, homo tardus, общество потребления, хиппи, фриганы.*

Deceleration as a form of resistance to the homo economicus mode: the emergence of homo tardus**Romanov I. Y.,**
postgraduate student,
Volgograd State University

The article considers the variants of the reaction of society and culture to the crisis state of postmodernity. The role and place of alienation in post-industrial society is analyzed, as well as the problem of the society of abundance. The proposed idea of homo tardus is considered as a special regime, manifested in the process of slowing down participation in economic relations, as a form of resistance to the current state of society. The process of the hidden return of the meta-narrative in the conditions of the prevailing postmodernity is investigated.

Keywords: *postmodern, metanarrative, alienation, homo economicus, homo tardus, consumer society, hippies, freegans.*

Во второй половине XX века появились тенденции к проявлению неудовлетворенности нынешним состоянием общества и культуры. Помимо культурно-историко-политических преобразований стал прослеживаться кризис

текущего культурного состояния – *постмодерна* [Лиотар, 1998: 92]. Массовая культура обрела форму бесконечной рекурсии. Вместо удовлетворения основных культурных потребностей населения, которое, казалось бы, должно было установить культурный *топос* и потребительский *модус*, напротив, внутреннее противоречие в человеке и обществе было обострено, так и не решив проблему отчуждения.

Подобная тенденция существовала и ранее, на закате «золотых 60-х» в США, когда на пике жизненного цикла общества потребления была совершена подмена ценностей, проявления которой будут видны в грядущих десятилетиях. «Золотая эра» выступила спасательным кругом для общества, воспринимаемая как справедливая данность, органично вписанная в идею исключительности государства и граждан – «in God we trust» [Бодрийяр, 2015: 128]. Стимулируемое постоянным ростом потребительской силы, в условиях разогнанных Второй мировой войной производственных мощностей, благостное состояние просуществовало недолго. Наличие институционально закрепленных позиций модерна было прервано чередой политических прецедентов. Катализатором недовольства станет война во Вьетнаме, обнажившая устоявшиеся, но скрываемые благом потребления проблемные зоны в общественных отношениях. Реакция материализуется через волну антиправительственных и пацифистских движений, в частности хиппи.

Проблему разобщенности мира должен был решить «естественный» процесс глобализации, вызванный позитивными итогами Третьей промышленной революции [Бодрийяр, 2015: 166]. Тотальная цифровизация в попытке включить индивидуума в мировое общество предложила взамен локальным культурным нарративам свой – главенство рыночных отношений, установив тем самым культурную гомогенность посредством массмедиа. Подобная попытка подмены нарратива встретила сопротивление не только в государствах с традиционным обществом, но и в постиндустриальных. Если в первом случае причиной неприятия является влияние традиции, то во втором – проблема многоуровневого отчуждения индивида.

По форме данная попытка установления нового общественного порядка, основанного на глобальном принятии идеи потребления как высшего блага, имплицитно содержит в себе идею замены старых метанарративов на новый, главной идеей которого является культивирование экономических отношений. Однако несмотря на то, что одним из базовых критериев постмодерна является деконструкция универсальных истин, функционирующих по принципу гомогенизации общественных потребностей, «новая реальность» предлагает аналогичный порядок, но со своими особенностями. Подобное противоречие может говорить о необходимости детального контроля процесса деформации устоявшегося порядка. Достижение такого результата предполагает замещение или частичное сохранение формы предыдущего нарратива, но порой и радикализацию отдельных проявлений модерна.

В частности, данная проблема затрагивает в основном развитые общества, прошедшие этап индустриализации и вышедшие на уровень

постиндустриального общества. Однако интенция в глобализации такова, что предполагает выведение данной модели на мировой уровень с дальнейшим ее принудительным принятием обществами, исходя из формирующегося нарратива рационализации. Функция задержавшегося модерна, представленная в мягкой силе, способствует легитимизации условий нового порядка общественных отношений посредством включения в мировые рыночные отношения.

Рабочей моделью общественных отношений предполагается принятие экономической основы и рациональности идеи потребления – максимальное участие индивида в производственно-потребительском процессе. Индивиду или группе необходим механизм, с помощью которого возможно достижение блага, в нашем случае – материального. Таким механизмом является всеобъемлющая и разноуровневая конкуренция. Конкуренция вводит в состояние постоянного стресса, необходимости соперничать на всех социальных уровнях, тем самым, все больше втягиваться в процесс производства и потребления [Бодрийяр, 2021: 291].

Это необходимое условие для поддержания устоявшегося порядка, где во главу угла ставится идея прогресса. Прогресс выступает *самореферентным* знаком, универсалией, которая вынуждает человека поддерживать бесконечную гонку за автоматизацией и комфортом. Сам процесс удерживания порядка и комфорта, главной задачей которого является избавление человека от дискомфорта и сохранение текущего уровня потребления, требует колоссального уровня вовлеченности и контроля, что неминуемо заикликает данный процесс на самом себе. Этот механизм можно описать в виде следующей схемы: общество испытывает стресс из-за неудовлетворенных потребностей, затем создает механизм, позволяющий удовлетворить потребности посредством автоматизации. Но процесс поддержания уровня комфорта в условиях отчуждения и постоянной конкуренции опять приводит к стрессу [Бодрийяр, 2021: 292].

Отталкиваясь от идей Адама Смита, концептуализируем критерий включенности человека в производственно-потребительскую систему через понятие *homo economicus* [Смит, 1962: 557]. В данной модели человек одновременно является и объектом рыночных отношений, и субъектом. В классическом представлении о *homo economicus* человек как существо рациональное, участвуя в рыночных отношениях, стремясь к росту потребления, создает общественные блага.

Субъект как мыслящее активное существо, которое может влиять на происходящее вокруг, в модели Эмиля Дюркгейма позиционируется как социальный автомат, поведение которого детерминировано разного рода социальными конструктами [Дюркгейм, 1995: 210]. Данная особенность будет рассмотрена через призму отношений. Выстраивая отношения, субъект может просчитать определенное количество ходов и реализовать выбор в действительность. Субъект – тот, кто полностью включен в реальность. Рассматривая экономические отношения, субъект как мыслящее существо выстраивает определенные отношения с другими субъектами, отталкиваясь от

экономической парадигмы, которая накладывает на него определенные пресуппозиции. Пресуппозиции необходимости достижения власти, и что все имеет свою стоимость. Тем самым, появляется *аксиологический модус*, в котором мы усматриваем пирамиду ценностей. Высшей ценностью является обладание деньгами. Это влечет за собой определенное влияние, т. е. осуществление власти. Таким образом, субъект через достижения *успеха* в экономических отношениях достигает уровня *власти*.

Человек как объект рассматривается в роли финальной стадии производственной цепочки, логично завершая ее, создавая пространство для дальнейшей реализации производства. Такую модель в будущем ждет проблема – удовлетворение потребительского запроса, что неминуемо приводит либо к кризису перепроизводства, либо частичной или полной остановки линии производства. Для борьбы с этим процессом необходимо все время создавать новые стимулы для потребления. Вещи перестают рассматриваться как набор функциональных качеств, на их место приходит процесс потребления знаков.

С развитием технологий и появлением массовой культуры, инструментом для создания нового потребительского запроса становится реклама. Прошедшая путь от функциональной, обозначающей непосредственные качества продукции, до перформативной, наполненной новыми знаками. Реклама имплицитно содержит в себе дефиницию престижного потребления, *социальной конкуренции* и культивирование спроса.

В процессе развития общественных отношений человечество перешло от натурального обмена к эквивалентному, а после знаковому. В первых двух случаях человек обладает ресурсами, знаковое воплощение которых соответствует их фактической ценности, в третьем же – это не обязательно. Данные знаки представлены как сумма составных частей, поддерживающие установившийся новый миф об обществе изобилия, одновременно определяя его своим референтом. При этом само наличие изобилия не обязательно, важна в первую очередь сама идея, потенция к возможности быть причастным к ней.

В обоих случаях рассмотрения индивида как субъекта и объекта экономических отношений он подвергается отчуждению. *Отчуждение* – одна из центральных идей философии Маркса, он разделяет его на 4 уровня: от процесса, результата, самого себя и других [Маркс, 1923: 106]. В данном случае появляется проблема, человеку необходимо быть включенным в экономические отношения, чтобы поддерживать свою жизнедеятельность. Таким образом, отчуждение становится необходимым элементом жизнедеятельности. Критерием включенности человека в модель рыночных отношений является его покупательская способность. Случаи несоответствия индивида с данной моделью признаются маргинальными и стигматизируются как форма социальной смерти.

Одним из ключевых синдромов постиндустриального общества является хроническая неконтролируемая *усталость*, ставшая реакцией на переход от голодной доиндустриальной эпохи к изобилию постиндустриальной, выраженная в прогрессирующем уровне потребления. Однако система знаков,

окружающая человека в постмодерне, стимулирующая все большее потребление, выводит индивида из равновесия в системе производства и потребления, предоставляя действующую модель поведения – бесконечная потенция к удовлетворению предложенных *культиндустрией* потребностей, которая, в сущности, трансформировав их в желание, – делает невозможным их удовлетворение [Бодрийяр, 2015: 138].

Исходя из вышеописанной модели, в которой обязательным условием гармоничного существования индивида является согласие с правилами экономических отношений, возникают различные варианты ответа на напряженное состояние общества. Ответ выражается посредством реакции или формированием отношения к отчуждению. Реакция в данном случае рассматривается как процесс нерелексируемый, спонтанный или интуитивный, где субъект или группа, без явной артикуляции, только ощущает неудовлетворение. Отношения же, напротив, как форма релексируемого ответа характеризуется осмыслением источника напряжения – отчуждения.

В первом случае нерелексирующие люди реагируют на отчуждение через депрессивность и усталость. Они не видят отчуждения, но за счет того, что человек, по мысли М.К. Мамардашвили, является существом *трансцензуса*, т. е. он способен выходить за свои собственные пределы, то он может посмотреть на себя со стороны [Мамардашвили 2019: 79]. Но это не значит, что он может увидеть проблему, но при этом может ее ощущать и выдавать на нее реакцию. Маркером несогласия в данной группе выступает поиск источника раздражения посредством сферы предлагаемых психологических услуг, активизации физических нагрузок, медикаментозного или наркотического снятия напряжения. Особая роль отводится психологам. Сосредоточив вектор «неисправности» человека на нем самом, индивиду предлагается увлекательная игра по поиску неисправностей в собственном сознании, что, в свою очередь, замещает собой поиск подлинного источника стресса – отчуждения [Бодрийяр, 2021: 292]. Парадоксально, процесс поиска неисправности в самом человеке лишь маскирует источник отчуждения – становится одной из форм товаров и услуг, создавая новую нишу стимулирования потребления как особый, отличительный *культурный знак*, присущий обществу изобилия. «Болезнь цивилизации» – тоска, усталость, депрессия – заново социализируется как культурная пища и объект коллективного наслаждения, что вновь замыкает круг и ведет к еще более глубокой тоске [Бодрийяр, 202: 282].

Человек релексирующий уже выстраивает некоторое отношение к отчуждению, которое он наблюдает в своей *экзистенции*. Так, у определенной группы общества выстроена аксиологическая модель, то есть иерархия ценностей, где отчуждение является необходимым злом, условием существования текущего изобилия. Но при этом есть высшие ценности, которые можно поддерживать исключительно включенностью в экономические отношения, которые пусть и несут характер отчужденности, но не несут для них характер исключительно катастрофический и деструктивный. Данное общество понимает амбивалентность феноменов, и таким образом выстраивают бинарную

модель в своем отношении к ним. Такое отношение свойственно в первую очередь тем социальным группам, которые застали «голодный» период, для которых изобилие как аксиологическая единица является высшей ценностью [Бодрийяр, 2021: 278]. Также лояльность или даже солидарность с действующей системой видны на примере группы самих производителей, позитивно усматривающих в идее прогресса лишь благо, артикулируя его самоценность. Самоценным прогресс усматривается с момента зарождения позитивизма, где человеку приписывается аксиоматическое стремление к созиданию, механизмом которого выступает прогресс.

Другая же группа людей реализует свое отношение к отчуждению посредством протеста против текущей модели общественных отношений, завязанных на главенстве экономических отношений. Примером такого протеста является движение 60-х начала 70-х годов XX века – *хиппи*, а также некоторые лозунги майских событий во Франции. Хиппи в своем отношении к отчуждению выстраивают модель частичного или полного отказа от участия в цикле экономических отношений [Бодрийяр, 2021: 288]. Взамен отчуждению от труда и его результата, заводскому и фабричному производству противопоставляется кустарное (ремесленное) или, максимум, мануфактурное. Но с той лишь особенностью, что результаты производства в большей части используются самой общиной. Оставшееся в свободной форме реализуется для обеспечения базовыми элементами производства, невозможными в изготовлении при использовании ручного труда – техника, инструменты, химия и прочее.

Борьба с отчуждением реализуется в форме отказа от главной дефиниции производства – умножение средств ради умножения капитала для дальнейшего реинвестирования и последующего роста. Таким образом, низкий производственный уровень отсутствием необходимости во включении больших масс и сложности производственной цепочки избавляет человека от обособленности по отношению к производимой продукции, так как человек является единственным создателем и реализатором вещи. В отличие от рабочего на заводе, включенного в потоковое производство в промышленных масштабах [Маркс, 1923: 178]. Более того, формат жизни движения хиппи строился по принципу *коммун*. Особенностью данной формы организации жизни является частичный отказ от частной собственности в пользу общественной, общий труд на благо общины и возведение межличностных отношений и духовных практик на вершину пирамиды ценностей. Различные духовные практики с использованием идеи *коллективного тела* и психоактивных веществ, наравне с совместным бытом и акцентуацией на нематериальном, должны были решить проблему отчуждения от других и от самого себя. Ключевым критерием для вхождения в коммуну было наличие потенциалов к отказу от модуса общества потребления в пользу совместной, разделенной с единомышленниками жизни.

Если хиппи, организовав собственное движение в форме ответа на отчуждение, под воздействием внешне и внутрисполитических событий артикулировали идеи в терминах *человек мира* и *пацифизм*, то на другом конце света, во Франции, практически в это же время, на фоне внутрисполитического

кризиса режима Де Голля восстало студенчество. Во время майских событий, где произошел выход «новых левых» на политическую арену, массы протестовали против авторитарности президента. Помимо этого, были выдвинуты яркие лозунги, характеризующие разочарование в идеях общества потребления. «Мы не хотим жить в мире, где за уверенность в том, что не помрешь с голоду, платят риском помереть со скуки» – такого рода лозунг говорит о разочаровании в идеях главенства материального и превалировании над ними духовного. Скука – определяющий термин, описывающий в целом отношение поколений к действующей системе в постиндустриальном обществе [Бодрийяр 202: 289].

Человек может отключиться от экономических отношений только в случае полной изоляции от общества, в любом другом варианте – это не представляется возможным. Одним из вариантов протеста является не отключение, а максимальное замедление участия в них. Так, если брать рабочим критерием ответа на отчуждение процесс замедления участия в экономических отношениях, то можно вывести следующее определение такой группы людей – *homo tardus*, где *tardus* – замедление. *Homo tardus* не есть самостоятельная единица, его существование *анофатично*, противопоставляемо модели поведения *homo economicus*. Однако артикулируемое несогласие базируется на стремление выйти из универсального модуса *homo economicus*, то есть стремление к *эмансипации*. Механизмом эмансипации является минимизация участия в рыночных отношениях, частичный выход из которых не является критичным условием для данной группы, т. к. производственных мощностей достаточно до той меры, что объем производимой продукции может быть выше уровня спроса. Компаниям выгоднее утилизировать излишки, чем пустить их в оборот.

Такое положение вещей стало условием для создания общностей, которые живут за счет сбора просроченной еды, номенклатура которых превышает сроки годности, а фактическая потеря качества не достигла критической точки. Под лозунгами борьбы с избыточным потреблением, а также за его рационализацию, возникают движения *фриганов*, *сквоттеров* – они ставят перед собой задачу гуманного использования ресурсов планеты. По определению, участников этих движений можно было бы отнести к маргиналам или даже люмпенам, однако сравнительным критерием, не позволяющим однозначно отнести их к крайней группе, является четкая идеологическая артикуляция, осознанные действия, направленные на борьбу с проблемами глобализма. Однако это не является гарантом того, что люмпенизация подобных движений невозможна.

В данный момент имеются тенденции к построению таких обществ, которые обладают следующими идеями, выявленными в ходе исследования. Дошедшая до радикальной формы система экономических и общественных отношений в модусе *homo economicus*, реализовавшаяся посредством общества потребления, система постиндустриального общества решила вопрос с производственной мощностью, направленной на удовлетворение потребностей человека. Однако это не только не привело общество к балансу, но и наоборот, создало условия еще большей степени радикализации системы отчуждения. Ответом на кризис модели *homo economicus* служит инверсия потребительских

ценностей, завязанных на попытке минимизации участия в экономических отношениях – *homo tardus*. Возвращение, или попытка возрождения, идеи примата человеческих отношений, главной составной частью которых является возвращение их на вершину аксиологической пирамиды, можно рассматривать как попытку создания нового блага в существующем состоянии постмодерна.

Список литературы

- Бодрийяр, 2015 – *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. М., 2015. 240 с.
 Бодрийяр, 2021 – *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. М., 2021. 320 с.
 Дюркгейм, 1995 – *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. 352 с.
 Лиотар, 1998 – *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна СПб., 1998. 159 с.
 Мамардашвили, 2019 – *Мамардашвили М.* Беседы о мышлении. СПб.: Азбука, 2019.
 Маркс, 1923 – *Маркс К.* Критика политической экономии. Т.1. Кн.1: Процесс производства капитала. Х., 1923. 610 с.
 Смит, 1962 – *Смит А.* Исследования о природе и причинах богатства народов. М., 1962. 684 с.

УДК 2-1

Спирин Т.В.,
аспирант,

Волгоградский государственный университет

Разрывы секулярного в современной культуре: проявление *homo religiosus*

DOI:

10.33979/2587-7534-2023-1-108-116

*В статье рассматриваются разрывы секулярного в современной культуре. Описывается дискуссионность понятия «религия», а также продуктивность использования концепта «диспозитив веры». Рассматривается идея *homo religiosus* как особого режима, проявляющегося в экзистенции современного человека. Исследуются современные ритуалы, свидетельствующие о разрывах секулярного. Демонстрируются возможные альтернативы религиозному мировоззрению.*

Ключевые слова: *религия, диспозитив веры, разрыв секулярного, вера, *homo religiosus*, секулярное.*